

Гори, гори,

МОЯ ЗВЕЗДА...

Фото Н. ЛОГИНОВОЙ

“Русский концерт”
Александра Градского

В СКРИПИЧНОМ КЛЮЧЕ

Этот “автор-исполнитель” давно и бесповоротно зачислен у нас по рок-ведомству. Впрочем, лет тридцать тому назад этикетка соответствовала реальности. Хотя уже и в то время кое-какие детали слегка исказили картину: высшее вокальное образование (Гнесинский институт), которым не мог похвастаться ни один из тогдашних рокеров, композиторские занятия в классе Тихона Хренникова, участие в фольклорных экспедициях (итогом которых стала позже сюита “Русские песни”). Пробовался Градский и в стажерскую группу Большого театра в компании с нынешними суперзвездами Троицкой и Калининой. “Завернули”, однако, всех. То есть нюха у тогдашней приемной комиссии не было ну никакого! Правда, в Большой театр он позже все-таки попал, спел несколько раз партию Звездочета в “Золотом петушке” Римского-Корсакова. На этом его контакт с академическим миром, можно сказать, завершился. Геннадий Рождественский, правда, планировал пригласить его на роль Юродивого в “шостаковичевской” оркестровой версии “Бориса Годунова” — однако “Мелодия” планируемую запись отменила.

Аркадий ПЕТРОВ

Александр Борисович так вроде бы и остался в амплуа вечного рокера. Разве что с диапазоном голоса на октаву-полторы пошире стандартного. Да и корни его вокала явно шли не только от Леннона и Роберта Планта, но и от бельканто Шаляпина и Козловского. Конечно, мысль выйти за рамки рок-штампа была у Градского много лет, но реализовал он ее как-то робко и, быть может, даже слишком поздно: компакт-диск, записанный в Японии, и два года назад — концерт в зале “Россия” с симфоническим оркестром Дударовой и “осиповским” народным под управлением Николая Калинина. С первым коллективом Градский исполнял арии Вагнера, Верди, Бизе и Пуччини, со вторым — русские романсы и неаполитанские серенады. Арии пел эффектно — с хорошими верхами, “грудью”, а не фальцетом. А вот второй блок (романсы) оказался для большинства слушателей полной неожиданностью. Открытием. Ибо Градский предложил свое — лирико-драматическое — прочтение этой музыки. Теплое, проникновенное — и в то же время яркое, с мощным энергетическим зарядом. Интеллигентное. Помню, что я тогда даже рассердился на певца: да что же он такую музыку раньше-то не исполнял? Ведь чувствует русское (“мусорское”) начало сильно, глубоко... Может, просто балалаек стеснялся?

Видимо, программа в “России” стала для артиста переломной. И “осиповский” состав его явно потряс: тончайшие нюансы, динамика, импрессионистские “муары”, марево едва слышных шорохов и шелестов и в то же время мощные “волновые” накатывающие кульминации. С таким аккомпанементом Шаляпину с Паваротти выступать! Так что от концерта в “России” — прямая дорожка к нынешнему “Русскому концерту”, первое отделение которого началось с дореволюционного гимна и завершилось песней (и, в сущности, тоже гимном) Пахмутовой “Как молоды мы были”. Во втором отделении Градский пел под гитару свои песни 70–80-х годов, пел хорошо. И тем не менее вторая часть концерта уступала, на мой взгляд, первой, “русской”... С романсами Рахманинова (“Здесь хорошо”, “Не пой, красавица, при мне”, “Я опять одинок”), романсами традиционными (“Гори, гори, моя звезда”, “День и ночь”, “Выхожу один я на дорогу”, “Меж высоких хлебов затерялся...”), и даже вовсе не романсами, а городскими песнями “Вдоль по Питерской”, “Коробейники” или чудесно сыгранными “осиповцами” инструментальными интермедиями (“Черный звон”, “Ночь на Лысой горе” Мусоргского).

Это был необычный концерт, показывающий, что за внешним, “эстрадным” слоем у многих наших рок-исполнителей порой существует второй, внутренний — “почвенный”, фольклорный. Кстати, Градский здесь не одинок: Шевчук, Макаревич, Гребенщиков и даже, быть может, Башлачев — подтверждение сказанному.